

УДК 93/94 (045) (100)

Как начался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны)

Продолжение. Начало см. в № 2 (14) 2014 г.

ЦВЕТКОВ СЕРГЕЙ ЭДУАРДОВИЧ

преподаватель Международного университета в Москве

E-mail: cer6042@yandex.ru

Аннотация. Первая мировая война – политическая и культурно-духовная катастрофа цивилизованного мира, которая обусловила всю дальнейшую историю XX в. Она похоронила надежды интеллектуалов позитивистского толка на возможность бесконфликтного поступательного прогресса человечества. Несмотря на то что истоки Первой мировой войны коренились в самой сердцевине исторического развития Европы конца XIX–начала XX вв., ее начало оказалось полной неожиданностью для всех политических групп и общественных слоев. Сочетание исторической неотвратимости и психологической внезапности мировой катастрофы стало главным потрясением для ее современников и важнейшим уроком для политической элиты ведущих мировых держав второй половины XX в. Автор исследует процесс сползания государств Европы к беспрецедентной военной бойне на широком историческом фоне, который придает многомерность рисуемой картине.

Ключевые слова: Австро-Венгрия; Англия; Балканы; Германия; дипломатия; Европа; империализм; колонии; международная политика; Первая мировая война; причины; Российская империя; Сербия; убийство в Сараево; Франция.

How Did the «Real» Twentieth Century (The 100th Anniversary of the First World War)

SERGEY E. TSVETKOV

Professor, International University in Moscow, the Author of the Book «Russian history» in 4 Volumes and a Number of Biographical Research Works

E-mail: cer6042@yandex.ru

Abstract. The First World War – the political, cultural and spiritual catastrophe of the civilized world, which led to all the subsequent history of the twentieth century. She buried hopes intellectuals positivist sense the possibility of a conflict- forward progress of mankind. Despite the fact that the origins of the First World War were rooted in the very heart of the historical development of Europe in the late XIX–early XX centuries. Its beginning was a complete surprise to all political groups and social strata. The combination of the historical inevitability of surprise and psychological world catastrophe was a major shock for her contemporaries and the most important lesson for the political elite of the world's leading powers of the second half of XX century. The author explores the process of sliding into Europe to an unprecedented military massacre against a broad historical background, which gives the picture drawn in the multidimensionality.

Keywords: Austria-Hungary; Balkans; causes; colony; diplomacy; England; Europe; France.Germany; imperialism; international politics; Russian Empire; Serbia; the assassination in Sarajevo; The First World War.

*А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.*

*А. Ахматова.
«Поэма без героя»*

Выстрел в Сараево

Рядовые жители Европы и России, встречая 1914 г., не думали, что переступают роковую черту, которая разделит их жизни надвое. Английские подписчики популярного сборника пророчеств «Альманах старого Мура»¹ с удовлетворением обнаружили, что звезды не предвещают в предстоящем году никаких мировых бедствий.

В Петербурге и по всей России на Новый год бушевали страшные метели.

Столичный «Синий журнал» распространил среди писателей, ученых, артистов новогоднюю анкету с вопросом: «Что будет через 200 лет?» Кто-то из них отделался шуткой, кто-то был настроен на серьезный лад, но в целом в ответах преобладал пессимистический настрой: «Люди будут страховать себя от 96 болезней и умрут от 97-й»; «Окончится это человеческое кривлянье. И тогда над землей воцарится молчание труп»; «Будет высокоразвита техника, вырастет численность населения, но принцип: «Человек человеку волк» — неуничтожим»; «Будет скучнее» и т.д. Писатель Александр Грин высказался обстоятельнее других: «Я думаю, что появится усовершенствованная пишущая машинка. Это неизбежно. Человек же останется этим самым, неизменным... Леса исчезнут, реки, изуродованные шлюзами, переменят течение, птицы еще будут жить на свободе, но зверей придется искать в зверинцах. Человечество огрубеет... Наступит умная, скучная и сознательно жестокая жизнь, христианская (официально) — мораль сменится эгоизмом... И много будет еще разных других гадостей, вроде суфражизма».

От ближайшего будущего никто никаких гадостей не ждал.

Кайзер Вильгельм, вечный непоседа, весной уехал на Корфу — заниматься археологией. Его увлекала гипотеза профессора Дерптфельда о том, что близлежащий остров Левкас — это гомеровская Итака, родина Одиссея.

В мае в Гааге прошли торжества в честь открытия Дворца мира. Присутствовали делегации всех стран. Надпись на дворцовом фасаде гласила: «Хочешь мира — блюди справедливость». Каждое государство стремилось внести свою лепту в украшение дворца: Швейцария подарила часы на колокольню, Германия — ажурные решетки, Япония — шелковые шпалеры, Испания — серебряные чернильницы. Россия прислала огромную вазу из уральской яшмы. Речи выступавших сводились к одному: отныне культурное человечество изгоняет войну из своего обихода, наступают золотой век — эпоха мирного сотрудничества народов.

Один из секретарей британского Министерства иностранных дел писал, что, если судить по газетам, «в Европе мало что интересного происходит, и если бы не волнения в Мексике, мы бы здесь находились в относительном покое».

С началом лета над Европой нависла жара, перемежаемая редкими обильными ливнями. «Все буйно цвело», — вспоминал Илья Эренбург, путешествовавший в это время по Голландии.

Личный посланник президента Вильсона Эдвард Хауз, посетив в начале июня кайзера в Потсдаме, отозвался о нем как о человеке благоразумном и дальновидном. Вильгельм в беседе с американским гостем говорил, «что он строит военный флот не для того, чтобы угрожать Англии, а чтобы обеспечить германскую торговлю на семи морях. Он говорил, что война между Англией и Германией — это нечто, чего не должно случиться ни при каких обстоятельствах, что общеевропейская война была бы непростительной глупостью». А вот советники кайзера Хаузу категорически не понравились, и он записал в своем дневнике: «Положение чрезвычайное. Милитаризм вышел из-под контроля».

Однако и «благоразумный» кайзер разрывался между желанием сохранить привычную мирную жизнь и страхом перед тем, что каждый мирный год прибавляет силы врагам Германии. После отъезда Хауза Вильгельм встретился с гамбургским банкиром Максом Варбургом. За ужином кайзер поделился своими мыслями. Как вспоминал Варбург, «с его точки зрения, российская программа вооружения и железнодорожного строительства представляет собой подготовку к большой войне, которая разразится в 1916 году... Он жаловался, что у нас слишком мало железных дорог на Западном фронте,

¹ Основан астрологом Ф. Муром (1657–1715).

у границ с Францией. Снедаемый тревожными ожиданиями, он размышлял вслух: «Чем ждать, не лучше ли ударить первыми?».

15 июня в Германии прошли шумные празднования по случаю 25-летия восшествия Вильгельма на престол. Во всех немецких городах состоялись парады, были проданы миллионы открыток с изображением кайзера, открыты десятки гранитных и бронзовых монументов в честь знаменитых представителей Гогенцоллернов.

Кое-где на местах военная пропаганда придавала торжествам шовинистический оттенок. Генерал Алексей Алексеевич Брусилов, находившийся летом 1914 г. с семьей на отдыхе в курортном городе Киссингене, наблюдал поразительное зрелище: сожжение макета Московского Кремля, воздвигнутого на центральной площади. Представление открылось грандиозным фейерверком под звуки нескольких оркестров, игравших «Боже, царя храни» и «Коль славен». А дальше случилось вот что: «Вскоре масса искр и огней с треском, напомиавшим пушечную пальбу, посыпаясь со всех сторон на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля... Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренились и валились наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского «1812-й год»... Немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот фейерверка, загремела немецкий национальный гимн».

Вместе с тем националистически настроенная печать требовала от кайзера поступков: «Мы сильны, но император боязлив и нерешителен; мы приносим ежегодно огромные жертвы на армию и флот, у нас процветающая промышленность, совершенная государственная и экономическая организация, способная в мгновение ока милитаризовать всю страну, — и все эти силы и возможности остаются без употребления. Мы уступаем всем: и «вырождающейся», раздираемой партиями Франции, и не сегодня-завтра готовой загореться революционным пламенем России, и Англии, которая не знает, как справиться с Ирландией». В 1913–начале 1914 г. одна за другой вышли две книги Пауля Лимана: «Кайзер» и «Кронпринц» с призывом не терять попусту времени и как можно скорее ударить по врагам Германии.

Ранним утром 23 июня 1914 г. на Кронштадтском рейде бросила якорь английская эскадра во главе с адмиралом Дэвидом Лонгфилдом Битти. Британские офицеры, приглашенные на борт флагманского корабля русского Балтийского флота, основательно приналегали на жареную дичь и холодную рыбу, сервированные сложнейшими гарнирами, и отдали должное стоявшей на столе батарее горячительных напитков. В конце трапезы они сердечно поблагодарили хозяев за ужин и с ужасом услышали в ответ: «Какой ужин! Это была только закуска, а ужинать мы начнем буквально через минуту!»

На торжественном приеме, устроенном в честь английских офицеров в Царском Селе, один из великих князей с бесконечным разочарованием обнаружил, «что большинство из них были вовсе не элегантны и без всяких манер». От русского царя адмирал Битти узнал, что распад империи Габсбургов не за горами. Чехия и Венгрия, по видимому, станут самостоятельными королевствами, южные области, заселенные славянами, отойдут к Сербии, Трансильвания — к Румынии, австрийские немцы присоединятся к Германии. Тогда воцарится прочный мир, ибо некому станет вовлекать Германию в войну из-за балканских смут. «Германия, — заключил Николай, — никогда не осмелится напасть на объединенную Россию, Францию и Британию, иначе как совершенно потеряв рассудок».

Почти одновременно с визитом Битти в Кронштадт другая британская эскадра вице-адмирала Джорджа Уоррендера посетила Киль, благо Кильский канал только что был расширен и углублен до того, что мог пропускать дредноуты. Шла ежегодная Кильская неделя (учрежденный Вильгельмом морской праздник, главным событием которого была парусная регата). Берега канала были усыпаны тысячами зрителей. Гостей приняли с показным дружелюбием. Кайзер в мундире адмирала британского флота лично приветствовал английских моряков, поднявшись на палубу флагмана «Король Георг V».

Хорошее настроение Вильгельма было вызвано тем, что, по сообщению германского посла в Лондоне князя Карла Макса фон Лихновски, «Англия примирилась со строительством немецкого флота; о войне из-за этого флота или нашей торговли не может больше быть и речи; отношения с Англией — удовлетворительны, сближение с ней прогрессирует». В связи с этим Лихновски

спрашивал, следует ли ожидать внесения новой морской программы. Ответ адмирала Тирпица был таким: «В этом мы больше не нуждаемся». Достигнутое соотношение 2:3 германского и английского флотов позволяло Германии больше не бояться нападения с моря.

Дружеские визиты и спортивные состязания были прерваны 28 июня. В этот ветреный день вышедшую в море яхту кайзера догнала шлюпка. За рулем ее стоял начальник военноморского кабинета адмирал Георг фон Мюллер. Поднявшись на палубу, он сказал, что у него плохие новости. Кайзер подошел к нему, и Мюллер «прошептал ему на ухо сообщение из Берлина об убийстве наследного герцога Франца Фердинанда». Вильгельм принял известие спокойно и только спросил: «Не будет ли лучше прекратить гонки?»

29 июня, прочитав утренние газеты, европейцы бросились искать на картах местечко под названием Сараево. В последующие дни газеты всего мира подробно описали, как было дело. Со второй половины июня в Боснии проходили маневры австрийских войск, за которыми наблюдал эрцгерцог Франц Фердинанд, занимавший должность генерального инспектора армии. Учения завершились 27-го числа. На следующий день было запланировано посещение эрцгерцогом местного губернатора.

Франц Фердинанд и его морганатическая супруга герцогиня София Хотек прибыли в Сараево около 10 часов утра. Наследник был облачен в парадный голубой мундир и черные брюки с красными лампасами, на голове его красовалась высокая фуражка, украшенная зелеными перьями попугая. На Софии — белое платье и широкополая шляпа со страусовым пером. Время для торжественного въезда было выбрано неудачно. 28 июня («Видовдан» — «Видов день», или «день святого Витта») в сербском календаре было днем национальной скорби, в память о страшном поражении от турок на Косовом поле (28 июня 1389 г.), после которого сербы на многие столетия утратили независимость. Напоминать в этот день боснякам о том, что они находятся под австрийским владычеством, было верхом бестактности. Покушение, впрочем, готовилось заранее. В городе Франца Фердинанда ждали шесть сербских террористов — членов национально-освободительной организации «Молодая Босния» («Млада Босна»), боровшейся

против австрийской оккупации. Несмотря на молодость — самому старшему из них было 20 лет, — половине из этих юношей терять было нечего: они страдали туберкулезом, смертельным в то время заболеванием. Этот же недуг в скором времени должен был свести в могилу самого Франца Фердинанда. Но ждать естественной смерти наследника престола террористы не хотели.

Ирония судьбы заключалась в том, что Франц Фердинанд, в противоположность распространяемым о нем слухам, отнюдь не был ненавистником сербов. Наоборот, он стоял за то, чтобы пойти им навстречу, так как не хотел создавать помехи в отношениях Вены и Петербурга. В области внешней политики эрцгерцог придерживался идеи союза трех империй, в котором он видел лучший оплот против революции. При этом он считал ошибкой сблизиться с Германией за счет России. Лучшего наследника престола Габсбургов сербы не могли и пожелать. Австрийский дипломат Оттокар Теобальд граф Чернин полагал, «что если бы те, кто подослал убийцу эрцгерцога, знали бы, до чего он был далек от тех взглядов, из-за которых его убили, — они бы отказались от этого убийства».

Охрана эрцгерцога сработала из рук вон плохо. На вокзале наследник с супругой пересели в автомобиль с открытым верхом; свита расселась по пяти другим машинам. По пути их следования была расставлена редкая цепь из солдат и полицейских. Позже выяснилось, что Франц Фердинанд ехал вдоль настоящей «аллеи бомбометателей». Трое боевиков, смешавшись с толпой на тротуаре, следили за движением его кортежа. Двое из них по каким-то причинам лишь проводили его глазами, но третий все-таки метнул бомбу. Франца Фердинанда спасло лишь то, что неопытному боевику от волнения изменил размер. Смертоносный снаряд, не попав в салон автомобиля эрцгерцога, отскочил и взорвался под колесами четвертого экипажа. Шофер погиб, пассажиры и несколько человек из толпы получили ранения. Боевик, которого звали Неделько Габринович (Чабринович), проглотил припасенную капсулу с цианистым калием, но яд почему-то не подействовал, его только вырвало. Тогда он побежал к реке, надеясь утопиться. Толпа бросилась вслед за ним, выловила из воды, избила и передала в руки полиции.

Франц Фердинанд благополучно проследовал до ратуши, где произнес речь. Затем он выразил

желание посетить раненых в больнице. По дороге выяснилось, что произошла путаница с маршрутом следования. У въезда на Латинский мост водитель автомобиля эрцгерцога дал задний ход, чтобы развернуться, но двигатель заглох. В этот момент раздались выстрелы. Одна пуля попала в живот Софии, другая перебила Францу Фердинанду сонную артерию на шее. Стрелявшего звали Гаврила Принцип. Он оказался рядом по чистой случайности. Опустив браунинг, Принцип попытался отравиться, но набросившиеся на него прохожие выбили из его рук пузырек с ядом и отобрали пистолет. До прибытия полиции убийцу едва не отправили на тот свет, впоследствии тюремные врачи были вынуждены ампутировать ему руку, отнявшуюся от жесточайших побоев.

Тем временем офицеры свиты тщетно пытались расстегнуть на раненом эрцгерцоге мундир, чтобы остановить кровотечение. Сделать это оказалось невозможно. Франц Фердинанд был дородный мужчина, и, чтобы мундир плотно облегал его, портные шли на хитрость: они сшивали швы камзола прямо на эрцгерцоге, а потом прилаживали пуговицы, которые иначе могли отлететь. Пока догадались принести ножницы, что-либо предпринимать было уже поздно. Эрцгерцог и его жена скончались один за другим, с перерывом в несколько минут. У Франца Фердинанда еще хватило сил прохрипеть: «Софи, не умирай — живи ради детей!»

Сразу же после его смерти хорваты и мусульмане бросились громить дома проживавших в Сараево сербов. Военные восстановили порядок лишь через несколько часов.

Сараевская трагедия наделала много шума, вызвав повсеместный всплеск сочувствия к императору Францу Иосифу, потерявшему вслед за сыном² еще и племянника. Плохо скрываемую радость выражали лишь сербские националистические газеты. При европейских дворах был объявлен траур. Вильгельм хотел было отправиться в Вену, чтобы лично выразить соболезнование, но после того как ему дали знать, что там тоже могут оказаться сербские террористы, воздержался от поездки.

Спустя неделю политическая жизнь Европы внешне уже вошла в обычную колею. В эти летние дни 1914 г. страны Антанты больше заботились свои внутренние проблемы. В Великобритании горячо обсуждался закон о гомруле (предоставление Ирландии самоуправления). Францию сотрясали правительственные скандалы и убийства собственных политических лидеров и общественных деятелей. В России забастовки и рабочие волнения приняли такой массовый характер, что Петербург пришлось объявить на военном положении. Между тем войска в Красносельском лагере готовились к встрече французского президента Пуанкаре.

Военные и гражданские чины из разных стран, как ни в чем не бывало, продолжили летний отдых дома и за границей. Начальник Генерального штаба Сербии Радомир Путник спокойно отправился в Австрию лечиться на водах.

К середине июля газеты уже совершенно забыли происшествие в Сараево и переключились на другие новости. Был самый разгар сезона. Обывателей волновали жеребец Сарданапал — победитель скачек в Лоншане и бал бриллиантов у княгини де Бройль, о котором еще за две недели до убийства эрцгерцога говорил весь Париж. В русской прессе широко отмечался десятилетний юбилей со дня смерти Чехова. В богемных кругах высшим шиком было дарить даме не цветы, а пучок травы с могилы писателя.

20 июля в Россию на эскадренном броненосце «La France» прибыл Пуанкаре. Устроенная ему встреча была полна незабываемого великолепия — иллюминация, фейерверки, морской смотр в Кронштадте, многотысячные парады в Красном Селе, оркестр Гвардейского Экипажа, играющий «Марсельезу», море трехцветных флагов, золоченые кареты, облитые золотом ливреи и мундиры... Французский президент и царь обменялись речами со взаимными заверениями в дружбе и в преданности идеалу мира. В частных беседах Пуанкаре дал понять, что если Россия проявит твердость в австро-сербском конфликте, то Франция выступит на ее стороне.

Пуанкаре покинул Петербург 23 июля. Его отъезд с нетерпением ожидали австрийские дипломаты — они не хотели, чтобы царь и президент Франции были рядом, когда мир узнает о приготовленном в Вене сюрпризе. Тем же вечером, ровно в 18.00, австрийский посланник в Белграде вручил ультиматум министру иностранных

² Единственный сын Франца Иосифа кронпринц Рудольф погиб в 1889 г. при невыясненных обстоятельствах в своем имении Майерлинг.

дел Сербии. Для ответа сербскому правительству были даны 48 часов.

Австро-венгерский ультиматум Сербии

Эрцгерцог Франц Фердинанд был убежденным противником большой войны — считал, что монархия Габсбургов не выдержит этого страшного испытания. Фон Чернин слышал от него рассказ о предсказании одной прорицательницы, что он явится причиной войны. «Хотя такое пророчество до некоторой степени и льстило ему, — пишет австрийский дипломат, — так как оно подразумевало, что миру придется считаться с ним, как с сильным фактором, он все же определенно напирал на то, до чего это пророчество бессмысленно». Спустя 34 дня после его смерти Европа была ввергнута в невиданный по масштабам военный конфликт.

Убийство эрцгерцога поначалу было встречено в Вене спокойно. Никаких официальных демаршей не последовало.

По большому счету на смерть эрцгерцога в Австро-Венгрии было всем наплевать. Франц Фердинанд был неприятный человек, упрямый, замкнутый, резкий, подверженный вспышкам гнева, с маниакальной страстью к порядку. Он не умел скрывать ни свою гордость, ни свое презрение. При дворе его не любили. Император Франц Иосиф не мог ему простить брака с Софией Хотек (Габсбурги не женятся на графинях!), которая и после свадьбы на всех официальных приемах продолжала стоять позади самой младшей эрцгерцогини, согласно этикету, и даже в театре не имела права сидеть в одной ложе со своим мужем. Не вызывал он симпатий и у простых жителей империи, поскольку не искал популярности и открыто презирал общественное мнение. В политике Франц Фердинанд, воспитанник иезуитов, был сторонником превращения империи Габсбургов из двуединого в триединое государство — Австро-Венгро-Славию, в котором третьей господствующей национальностью должны были стать католики-хорваты (прочие славянские народности могли рассчитывать на некоторую автономию). По этой причине его люто ненавидели венгры. Он отвечал им тем же. Известие о смерти наследника не вызвало скорби ни в Вене, ни в остальной империи. Франц Иосиф на похороны племянника не явился.

Конечно, несмотря ни на что, Австро-Венгрия имела полное право требовать от сербского правительства наказания всех причастных к убийству эрцгерцога. Вместо этого австрийские правящие круги сочли сараевский инцидент «подарком Марса», решив использовать его для сведения окончательного счета с Белградом, который в последние годы вел себя слишком вызывающе. Смерть Франца Фердинанда должна была сокрушить не лоскутную монархию Габсбургов, а непокорное сербское государство — очаг национального славянского движения на Балканах, раз и навсегда покончив со страшным призраком Великой Сербии. «Второй больной человек Европы» рассчитывал таким способом продлить свое существование.

Правда, 84-летний император Франц-Иосиф войны не хотел. Точнее, он был не прочь хорошенько проучить сербов, но так, чтобы не вызывать войны с Россией. После позорного поражения от пруссаков в 1866 г.³ император с крайним недоверием относился к победным обещаниям своих генералов и министров. Больше всего он желал, чтобы 66-й год его царствования прошел без потрясений. Но Франц-Иосиф был дряхл и страдал старческими недугами. Управлять делами он был уже не в состоянии. Очень многое в этой ситуации зависело от его советников. Однако и между ними не было единогласия.

Начальник генерального штаба Франц Конрад фон Гетцендорф был известен тем, что на дух не переносил сербов. Непримируемая позиция «ястреба войны» даже привела к его временной отставке в 1911 г. Теперь он вновь требовал проведения скорейшей мобилизации против Сербии. Министр иностранных дел граф Леопольд фон Берхтольд шел еще дальше, полагая, что нападение на Сербию следует осуществить без объявления войны. Этот пятидесятилетний жуир, любитель породистых лошадей и элегантных костюмов, вовсе не был кровожаден. Но, как истинный аристократ, он был крайне обеспокоен вопросом престижа Габсбургской монархии — «страны неправдоподобной», по его собственным словам. Ликвидация Сербии как самостоятельного государства представлялась ему лучшим решением всех больших проблем

³ 3 июля 1866 г. в битве при Садове прусская армия наголову разгромила австро-венгерские войска, решив исторический спор о том, кто встанет во главе объединенной Германии.

Австро-Венгрии — внешних и внутренних. Против немедленной войны выступал влиятельный министр-президент Венгрии граф Иштван Тиса, призывавший к осторожности и осмотрительности. По его мнению, следовало предварительно заручиться поддержкой остальных балканских государств и Румынии.

Наконец, был вопрос, который волновал всех: как отнесутся к предстоящей балканской заварушке в Берлине? Ведь Австро-Венгрия и Германия не были связаны между собой официальными военными обязательствами. Между тем германский посол в Вене граф Генрих Леонхард фон Чиршки-Бегендорф почти неделю не давал никаких обнадеживающих заверений, поскольку сам не имел точных инструкций.

В германских правящих кругах царило настроенное ожидание. «Весть об убийстве, — пишет Тирпиц, — произвела на нас всех тягостное впечатление. Ожидали, что преступление вызовет ту или иную форму возмездия, а следовательно, и известную напряженность в европейских отношениях. Мировой войны я не опасался. Кто решился бы взять на себя ответственность за нее?»

Первые два дня после убийства эрцгерцога Вильгельм никак не выказывал свое отношение к случившемуся. Кажется, он колебался. Настроение его начало меняться 4 июля. В этот день он сделал свои пометы на докладе фон Чиршки, представленном рейхсканцлеру Бетману-Гольвегу еще 30 июня. Замечание посла о желании австрийских властей «раз навсегда основательно свести счеты с сербами» кайзер сопроводил припиской: «Теперь или никогда». А фраза Чиршки: «Я пользуюсь всяким поводом, чтобы сдержанно, но весьма настоятельно и серьезно предостеречь (австрийские власти) от необдуманных шагов» — вызвала у Вильгельма взрыв негодования: «Кто его уполномочил на это? Очень глупо! Это его совершенно не касается, так как это исключительно дело Австрии — думать о собственных шагах. После скажут, когда дело пойдет скверно: Германия не хотела!!! Пусть Чиршки сообразовит оставить этот вздор! С сербами надо покончить и именно сейчас».

Чиршки был объявлен выговор, после чего он заговорил другим языком, более соответствующим образу мыслей своего государя. 4 июля Берхтольд получил от него известие, что «Германия при всех условиях поддержит монархию (Габсбургов), если последняя решится выступить

против Сербии... Чем скорее начнет Австрия, тем лучше, вчера лучше, чем сегодня, но сегодня лучше, чем завтра».

В тот же день секретарь Берхтольда граф Хойос повез Вильгельму личное письмо Франца-Иосифа. Старый император был откровенен. В сараевском деле, писал он, «будет невозможно доказать соучастие сербского правительства. Тем не менее по существу нельзя сомневаться, что политика сербского правительства направлена на объединение южного славянства и, следовательно, против владений Габсбургского дома». Поэтому Сербия должна быть «устранена с Балкан в качестве политического фактора».

Берхтольд, со своей стороны, сочинил меморандум о положении дел на Балканах. В этом документе говорилось, что Австро-Венгрия полна решимости «порвать сеть, которой сербы опутывают империю». На словах он просил своего эмиссара передать немецким властям, что Вена собирается предъявить Сербии ультиматум, и в случае невыполнения заключенных в нем требований начать против Сербии военные действия.

Хойос приехал в Потсдам утром 5 июля. Вильгельм ознакомился с обоими привезенными документами в присутствии австрийского посла графа Сегени, специально приглашенного к завтраку. Сразу после окончания аудиенции Сегени отправил в Вену отчет о своей беседе с кайзером, постаравшись ничего не упустить. Вильгельм говорил, что не следует медлить с выступлением против Сербии. Россия, конечно, займет враждебную позицию. Впрочем, она еще не готова к войне и должна будет еще хорошенько все взвесить, прежде чем браться за оружие. Но если бы дело все-таки дошло до войны между Австро-Венгрией и Россией, то император Франц Иосиф может быть уверен, что Германия как верная союзница будет стоять на его стороне. В заключение своей речи кайзер заявил Сегени, что «он будет сожалеть, если мы не используем настоящий, столь благоприятный для нас, момент».

Отпустив посла, Вильгельм вызвал к себе Бетмана-Гольвега и помощника министра по иностранным делам Циммермана. Самого министра Готлиба фон Ягова не было — он проводил медовый месяц в Люцерне. В отпусках находились также Мольтке, лечившийся на минеральных водах в Карлсбаде, и Тирпиц, отдохавший на курорте Тарасп. Канцлер сразу одобрил карт-бланш,

выданный кайзером Австро-Венгрии, хотя в глубине души и был уверен, что тот не представляет себе всех последствий своего решения. Особой трагедии в австро-сербской войне он, однако, не видел. Наоборот, придерживался мнения, что без нее международный престиж Австро-Венгрии — единственного крупного союзника Германии будет поколеблен окончательно. Допустить этого было нельзя — и «не беда, если из-за этого возникнет война с Россией», как охарактеризовал царившее в Потсдаме настроение германский посол в Лондоне Лихновски.

Наутро 6 июля о происшедших накануне событиях были проинформированы военный министр, заместитель Тирпица и несколько других высших военных чинов. Представителю Главного штаба генералу фон Бертрабу было поручено передать отсутствующему Мольтке, что кайзер «не верит в крупные военные события, так как царь не встанет на сторону убийц наследника; Россия и Франция не готовы к войне и нет необходимости принимать особые меры».

Продемонстрировав «Нибелунгову верность» союзнику, Вильгельм, как ни в чем не бывало, отправился на яхте «Гогенцоллерн» в трехнедельный отпуск — на север, к норвежским фьордам. Вслед за ним Берлин покинул и Бетман-Гольвег, уехавший в свое поместье Гогенфинов. Фон Ягов, напротив, вечером 6 июля вернулся в столицу, чтобы координировать действия германских дипломатов.

Беспечное поведение кайзера имело свои причины. В его глазах ситуация складывалась исключительно благоприятно для него и для Германии. Лично ему представился отличный случай публично продемонстрировать твердость, которую от него все ждали. Что касается политических выгод, то Германия, как казалось Вильгельму, была бы не в накладе при любом развитии событий.

Ход его рассуждений, был, по-видимому, таков. Благодаря австрийскому выступлению вопрос с Сербией решался навсегда. Сербов, несомненно, ждали быстрый разгром и утрата суверенитета. После этого весь Балканский полуостров естественным путем подпадал под германское влияние.

Удастся ли достичь локализации конфликта, заранее предугадать было нельзя. Россия могла вступить за Сербию, а могла и смириться с неизбежным, как она это уже не раз делала,

столкнувшись с демонстрацией австро-германского единства. Если бы царь начал войну, было бы даже лучше. В последние годы растущая российская мощь вызывала в Берлине неприкрытую тревогу. Экономические обозреватели и аналитики в один голос отмечали громадные успехи русской промышленности и предсказывали еще более колоссальные сдвиги в течение ближайших 25–30 лет. Националист крайнего толка Саул Литтман, выступавший под псевдонимом Пауль Лиман, в начале 1914 г. писал: «Население России растет с потрясающей скоростью. Через два или три десятилетия царь будет править более чем 200 миллионами подданных... Россия уже сейчас пытается сократить импорт наших промышленных товаров и наших сельскохозяйственных продуктов; она старается постепенно создать своего рода китайскую стену на пути нашего экспорта, она стремится перегородить дорогу Германии и ее рабочим» («Кронпринц. Мысли о будущем Германии»).

Комиссия, возглавляемая профессором Берлинской сельскохозяйственной академии Аухагеном, обследовала в 1912–1913 гг. ряд губерний Центральной России на предмет изучения хода столыпинской аграрной реформы и «была поражена» итогами работы землеустроительных комитетов. В отчете комиссии говорилось, что «если реформа будет продолжаться при сохранении порядка в империи еще десять лет, то Россия превратится в сильнейшую страну в Европе». К тому же выводу пришел известный экономист Эдмон Тэри, который по заданию французского правительства провел в 1913–1914 гг. комплексное исследование развития российской экономики за предыдущее десятилетие. В своей книге «Россия в 1914 г. Экономический обзор» он писал, что «к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так в экономическом и финансовом отношении».

Еще больший страх внушала русская военная программа. С 1913 г. германский Главный штаб жил в убеждении, что в скором времени положение станет непоправимым. Считалось, что в 1917 г. Россия расширит сеть железных дорог на западных границах, завершит перевооружение и достигнет решающего военного перевеса над германской армией. Ввиду этого мрачный Мольтке без устали призывал к началу превентивной войны, забыв, что Бисмарк приравнивал ее

к «самоубийству из страха смерти». В мае 1914 г., находясь в Карлсбаде, начальник немецкого Генерального штаба писал своему австрийскому коллеге Конраду фон Гетцендорфу, что любая задержка войны с Россией «означает уменьшение наших шансов, мы не можем конкурировать с Россией по массе войск». Германский дипломат барон Герман фон Эккардштейн 1 июня услышал от него следующие слова: «Мы готовы и теперь, чем скорее, тем лучше для нас. Любая отсрочка будет уменьшать наши шансы на успех». Те же мысли Мольтке высказывал министру иностранных дел фон Ягову: «Нет иного пути, кроме как осуществить превентивную войну и разбить врага, пока мы имеем шансы на победу... Ориентируйте нашу политику на более раннее начало войны». Позднее Мольтке напишет: «Высшее искусство дипломатии, по моему мнению, состоит не в том, чтобы при всяких обстоятельствах удержать мир, но в том, чтобы политическая обстановка для государства была такова, что оно могло бы вступить в войну при благоприятных обстоятельствах».

И фон Ягов послушно инструктировал князя Лихновски, позволявшего себе скептические замечания относительно военных планов Генерального штаба: «Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия тоже не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас своим количеством солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Тем временем наша группировка будет становиться все слабее и слабее... Я не хочу никакой превентивной войны, но если война вспыхнет, то мы не сможем оставаться в стороне».

Примерно так же думало и все остальное окружение Вильгельма. 7 июля, после отъезда Вильгельма из Потсдама, рейхсканцлер Бетман-Гольвег в беседе со своим секретарем Куртом Рицлером обрисовал ситуацию в следующих словах: «Кайзер ожидает войну, думает, она все перевернет. Пока все говорит о том, что будущее принадлежит России, она становится больше и сильнее, нависает над нами как тяжелая туча».

Адмирал Тирпиц добавляет еще один важный штрих: в разговоре с его заместителем 6 июля «кайзер несколько опрометчиво выразил мнение, что Франция будет удерживать Россию вследствие своего неблагоприятного положения

и недостатка тяжелой артиллерии». И главное, «об Англии кайзер не упоминал; о возможности осложнений с этим государством вообще не думали». На кайзера магическое действие оказывали сообщения князя Лихновски о полном примирении с Лондоном. Он был уверен: на этот раз Англия не вмешается, и значит, даже в случае военного выступления Франции война останется континентальной. Действительно, Лондон пока что не чувствовал себя активной стороной конфликта. Английский министр иностранных дел Эдуард Грей много распространялся о нежелательности войны между *четырьмя* великими державами (Германией, Австро-Венгрией, Россией и Францией), но ни словом не обмолвился об участии в ней *пятой* державы — Великобритании. Его русский коллега Сазонов вспоминал: «Несчастье заключалось в том, что Германия была убеждена, что она могла рассчитывать на нейтралитет Англии».

При таких обстоятельствах ни в каких особых мерах не было нужды. Вильгельм спокойно мог отправиться на морскую прогулку. Германская военная машина, отлично оснащенная и организованная, была готова прийти в движение в любой момент. Генерал граф Вальдерзее, вспоминая те дни, с некоторым самодовольством писал: «У меня, замещающего генерала фон Мольтке по всем имеющим отношение к войне делам, не было, разумеется, никаких оснований что-нибудь предпринимать из-за аудиенции генерала фон Бертраба в Потсдаме. Планомерные мобилизационные работы были закончены 31 марта 1914 г. Армия, как всегда, была наготове».

После возвращения Хойоса в Вену Берхтольдупонадобилось еще несколько дней, чтобы уломать графа Тису дать согласие на войну. Венгерский министр-президент боялся как победы, так и поражения. Первая грозила умалением роли Венгрии в пользу славянского компонента империи. Вторая могла привести к гибели Габсбургской монархии. Тиса позволил себя переубедить только после того, как Совет министров принял его условия: не начинать военные действия без соблюдения всех дипломатических приличий и отказаться от планов уничтожения независимости Сербии — вместо этого Тиса предлагал ограничиться свержением династии Карагеоргиевичей с последующей передачей сербского престола какому-нибудь немецкому принцу. Император Франц-Иосиф одобрил эти

поправки. Граф Хойос извещал Редлиха о царившем в Вене единодушии: «Война (с Сербией) решена... Если из этого возникнет мировая война, то нам это совершенно безразлично». Впрочем, такое развитие событий считалось маловероятным. Преобладала уверенность в том, что «Европа отступит».

Когда соглашение с Тисой было достигнуто, истекла уже вторая неделя июля.

Берхтольд немедленно сел за сочинение ультиматума Сербии.

Впоследствии он с гордостью рассказывал о том, скольких усилий стоило ему придать документу такую форму, чтобы сделать его совершенно неприемлемым для сербов. 19 июля содержание австрийской ноты было полностью согласовано и утверждено на заседании министров. В протоколе особо подчеркивалось, что Австро-Венгрия не желает для себя никаких аннексий, но оставляет за собой право после окончания военной акции «исправить границы» Сербии, предложив части сербской территории Италии, Румынии, Болгарии и Греции.

Ультиматум открывался голословным обвинением сербского правительства в попустительстве боевикам, совершившим убийство эрцгерцога. Далее следовали 10 требований, сводившихся к необходимости строгого наказания для замешанных в сараевском убийстве и полного запрещения антиавстрийской деятельности и пропаганды — в школе, университете, прессе и армии. Среди этого перечня унижительных мер были два чрезвычайно оскорбительных условия, на которые особенно рассчитывал Берхтольд. Они предусматривали удаление с военной службы и из администрации всех сербских офицеров и чиновников, чьи имена укажет Вена, и участие представителей австрийского правительства в расследовании обстоятельств убийства Франца Фердинанда.

Русский посол в Вене Николай Николаевич Шебеко, узнавший о подготовке ультиматума, потребовал разъяснений. Но ему так убедительно растолковали формальный характер этого документа, будто бы совершенно не затрагивающего суверенитета и государственного престижа Сербии, что он 21 июля со спокойной душой уехал в отпуск.

Между тем Берхтольд до последнего оттягивал срок ознакомления с содержанием ультиматума даже Франца Иосифа и графа Чиршки — из

боязни, что они могут потребовать смягчения его наглого и вызывающего тона. В результате текст австрийской ноты лег на стол германского министра иностранных дел менее чем за двое суток до его вручения сербской стороне. Времени на обсуждение и редактирование уже не оставалось.

Впрочем, никто и не потребовал ничего подобного. Вильгельм всецело одобрял провокационное творение Берхтольда. «Браво, — заметил он по поводу «энергичного тона и резких требований» этого документа, о которых ему сообщил Чиршки. — Признаться, от венцев этого уже не ожидали».

Во всем аппарате германского правительства лишь один секретарь рейхсканцлера Курт Рицлер находил, что события приняли неприятный оборот, когда «телега управляет лошадью». 23 июля, узнав о вручении сербам австрийского ультиматума, он меланхолично занес в дневник: «Нам придется вечно плестись за этим слабым государством и прилагать нашу молодую силу для затягивания его распада».

Продолжение — в следующем номере

Литература

1. *Брусилов А. А.* Воспоминания. М.: Воен., 1963.
2. *Бьюкенен Д. У.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М.: Центрполиграф, 2006.
3. *Виллмотт Г. П.* Первая мировая война. М.: Ломоносов, 2010.
4. *Вильгельм II.* Мемуары. События и люди. 1878–1918. М.-Петроград: Издательство Л. Д. Френкель, 1923.
5. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1–3. М., 1960.
6. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое лит. обозрение, 2000.
7. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М.: Современник, 1991.
8. *Дневники императора Николая II / общая редакция и предисловие К. Ф. Шацилло.* М.: Орбита, 1991.
9. *Добророльский С.* О мобилизации русской армии в 1914 году // Царская Россия накануне революции. М., 1991.
10. *История дипломатии: Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). Т. 2 / сост.:*

- И.И. Минц, В.М. Хвостов; под ред.: В.П. Потемкина. М.; Л.: Госполитиздат, 1945.
11. История Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.: Наука, 1975.
 12. Керсновский А.А. История Русской армии: В 4-х т. М.: Голос, 1992.
 13. Киган Дж. Первая мировая война. М.: АСТ, 2004.
 14. Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М.: Вече, 2009.
 15. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Париж, 1933.
 16. Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М.: Квадрига, Объединенная редакция МВД России, 2010.
 17. Макдоно Д. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М., 2004.
 18. Масси Р. Николай и Александра. М.: Пресса, 1996.
 19. Милуков П.Н. Воспоминания (1859–1917) / под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. 1–2 тома. Нью-Йорк. 1955.
 20. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2 кн. Кн. 1. Август 1914 г. — октябрь 1917 г. М.: Международные отношения, 1993.
 21. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939; Т. 2. Мюнхен, 1949.
 22. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. — 2-е изд. М.: Международные отношения, 1991.
 23. Полетика Н.П. Возникновение Первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.). М.: Мысль, 1964.
 24. Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. — № 2, 3, 5, 8–11.
 25. Пронин В. О мобилизации русской армии в 1914 г. // Вестник первопоходника. Лос-Анжелес. — 1964. № 37–38.
 26. Пуанкаре Р. На службе Франции 1914–1915. / На службе Франции 1915–1916. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002.
 27. Роуз К. Король Георг V. М.: АСТ, Люкс, 2005.
 28. Сазонов С.Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002.
 29. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ»: пер. с нем. М. Некрасова — СПб.: Академический проект, 2003.
 30. Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. № 1.
 31. Такман Б. Августовские пушки. М., 1972.
 32. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. М.; Л., 1927; 2-е изд., доп. М.; Л., 1928. См. также: Тарле Е.В. Сочинения. — Т. 1–12. М., 1957–1962.
 33. Турпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.
 34. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001.
 35. Фридрих фон Бернгарди. Современная война: Т. 1–2. СПб.: В. Березовский, 1912.
 36. Чернин О. В дни мировой войны. М. Пг.: Гиз, 1923.
 37. Черчилль У. Мировой кризис 1911–1918. Сокращенное и пересмотренное издание с дополнительной главой о сражении при Марне. Авторский перевод Crusoe (crusoe.livejournal.ru), 2005–2010, с издания: The World Crisis, 1911–1918 (Paperback) by Winston Churchill (Author), Martin Gilbert (Introduction). Free Press, Published by Simon & Shuster New York // [Электронный ресурс] URL: <http://on-island.net/History/Churchill/WorldCrisis/WCris.pdf> (дата обращения: 04.06.2014).
 38. Четырехлетняя война 1914–1918 г. и ее эпоха. Т. 46. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1927.
 39. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954.
 40. Шапошников Б.М. Мозг армии: в 3 книгах. М.: Воениздат, 1927–1929.
 41. Шацлло В.К. Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
 42. Энджелл Н. Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. М., 2009.
 43. Энджелл Н. Рассказ о брошюре // Энджелл Н. Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. М., 2009.